

ЗАПРЕТ АРТЕМИДЫ

КЛЯТВА ЛУНЫ

АЛЕНА ОРИОН

Алена Орион

Запрет Артемиды: Клятва луны

«Автор»

2026

Орион А.

Запрет Артемиды: Клятва луны / А. Орион — «Автор», 2026

В мире Алкеи нет места слабости. Она — безупречный клинок Фемискиры, города амазонок, куда мужчинам вход закрыт навсегда. И когда на священный берег выбрасывает чужеземца, приговор очевиден: смерть. Но лекарь Леандр, сын бога сна, не похож на покорную жертву. Вооружённый лишь дурным чувством юмора и саркастичным говорящим вороном, он видит вещий сон о нашествии безжалостной орды киммерийцев. Когда предсказание начинает сбываться, Алкее приходится сделать невозможное — довериться человеку, которого она должна была убить. Ради спасения народа заклятые враги становятся союзниками. Но что делать, если единственный мужчина, которого она должна ненавидеть, становится тем, кого ей страшнее всего потерять? В книге вас ждет: Лекарь среди амазонок# Вынужденный союз: от врагов к возлюбленным# Любовь, рождённая доверием# Древнегреческие мифы, амазонки и война Саркастичный говорящий ворон

© Орион А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Игра богинь	5
Глава 1: Берег чужих богов	9
Глава 2: Неудачный торг.	12
Глава 3: Жрица и «морская крыса»	16
Глава 4: Клетка для не-льва	22
Глава 5: Сны из трещины мира.	25
Глава 6: Небесное знамение (и свинья)	31
Глава 7: Осколок камня в сандалии	34
Глава 8: Незваные гости.	37
Глава 9: Проклятие на привязи	41
Глава 10: Цена жалости	45
Глава 11: Марево в тени	49
Глава 12: Тень на ска	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алена Орион

Запрет Артемиды: Клятва луны

Пролог: Игра богинь

Олимп не знал смены времён года. Здесь царила вечная весна: разрежённый воздух вершин и холодный запах амброзии. Тени между мраморных колонн ложились резко, а в тишине казалось было слышно, как в чреве гор нарастают кристаллы.

Артемида стояла у края террасы, чьи перила были вырезаны из цельного куска светлого мрамора. Короткий серебряный лук привычно оттягивал плечо. Серый хитон едва колыхался от ветра, волосы были стянуты в тугий узел — ни одна прядь не выбивалась. Богиня смотрела вниз, сквозь облака, туда, где мир смертных скрывался в предрассветной дымке.

— Неужели снова пересчитываешь свое стадо, сестра? — голос Афродиты прозвучал мягко и лениво. — Твои девы не стрелы в колчане. Хотя, признаю, такие же прямые и негнувшиеся.

Артемида не обернулась. Ей не нужно было смотреть, чтобы понять, кто подошел — в воздухе сразу запахло жасмином. Богиня любви шла неспешно. Её сандалии едва касались камня, а пеплос цвета утренней зари казался живым туманом.

— Я наблюдаю за подготовкой к ритуалу, — холодно отозвалась Артемида. — Это требует сосредоточенности, которой тебе никогда не понять.

Афродита остановилась рядом, грациозно опершись на балюстраду.

— О, ритуал! — в ее голосе проскользнула насмешка. — «Ритуал Чистоты». «Обет Тишины». Вы придумываете громкие названия, чтобы девчонки боялись собственной природы.

Она повернулась к Артемиде. Мерцающий взгляд ее глаз, цвета морской волны на закате, встретился с серым, неподвижным взглядом сестры.

— Тебе не кажется, что твоя лучшая жрица... Как ее зовут? Ах да, Алкея! Так плотно сжимает челюсти, что у нее сводит скулы? Это не вера. Это страх.

Артемида наконец повернулась к ней.

— Это не страх. Это дисциплина. Мои воительницы выбрали свободу.

— Свободу? — Афродита подняла бровь. — От чего? От собственных чувств?

— От твоего хаоса, — отрезала Артемида. — От слабости, которую ты называешь любовью.

Повисла тишина. Афродита медленно выдохнув, провела ладонью по нагретому солнцем мрамору.

— Слабость... Какое любопытное определение. Знаешь, что вижу я, когда смотрю на твоих дев? Они так боятся дрогнуть, что забывают дышать. Но сердце, которое бьется строго по приказу, уже не живое. — Она усмехнулась. — Ты называешь силой этот безупречный, мёртвый такт?

Артемида шагнула вплотную. Теперь они стояли лоб в лоб. Серебро и золото, лед и пламя.

— Да, — ее голос упал до опасного шепота. — Я называю это силой. Твоя хваленая любовь оставила после себя больше руин, чем походы Ареса. Ты превращаешь героев в рабов, а города в пепел ради минутного каприза. И ты смеешь рассуждать о силе?

Афродита лишь снисходительно улыбнулась.

— Руины... Да. Но на руинах снова вырастает дикий виноград. Жизнь не останавливается, сестра. А после твоей чистоты остается только лёд. Давай проверим, чего стоит их обет?

— Она поймала ледяной взгляд Охотницы. — Что будет, если твоя Алкея увидит в себе не только жрицу?

Артемиде крепче сжала лук.

— Что ты задумала?

— Ничего вульгарного, клянусь поясом! — Афродита подняла руку, и между ее пальцев забила крошечная золотая искра. — Я просто подарю ей... возможность. Трещину в безупречном, скучном мире.

Она посмотрела вниз, туда, где за облаками темнело Чёрное море.

— Один человек. Не воин. Воинов они убивают, не моргнув. А... гость. Тот, кто переступит порог ее мира без злого умысла. Тот, чье простое «здравствуй» станет для нее сложнейшей богословской задачей.

Артемиде впились взглядом в золотую искру, затем перевела его на сестру.

— Если ты разрушишь ее жизнь, — голос Охотницы стал угрожающе тихим, — я сама пушу стрелу в твое сердце. И мне плевать на твоё бессмертие.

Афродита встретила угрозу спокойно.

— А если я ее спасу? Если она найдет то, чего боялась всю жизнь, и станет от этого не слабее, а по-настоящему свободной? — Усмешка тронула ее губы. — Хотя «свобода» у тебя забавное слово. Как у человека, который гордится тем, что не дышит.

Артемиде не ответила. Она стояла неподвижно, застыв, как хищник перед прыжком. Затем медленно повернулась к краю террасы. В ее глазах застыла холодная уверенность охотника, знающего: добыча всегда возвращается.

— Тогда я буду наблюдать. И когда твоя «любовь» начнет разрывать ее на части, когда она поймет, что потеряла себя ради другого. Она вернется. Ко мне. К себе настоящей. Свобода всегда побеждает. Рано или поздно.

Афродита разжала пальцы. Искра сорвалась вниз, закручиваясь в спираль, падая туда, где мир смертных еще спал, не зная, что боги только что бросили кости.

— Посмотрим, — донесся ее последний шепот, смешанный с ароматом жасмина.

* * *

Далеко внизу штормило.

Маленький корабль «Онейра» стонал под ударами волн. Чёрное море, оправдывая имя, вздыбилось стеной мазутного цвета. Небо и вода слились в единый ревущий хаос.

На носу, вцепившись в мокрый канат, стоял человек. Леандр хорошо знал это чувство: когда управлять судном уже невозможно и остается только держаться. Вода заливала лицо, плащ отяжелел.

«Мы умрем», — мрачно прозвучало в сознании.

Ворон Корв, превратившийся в черный комок слипшихся перьев, крепче впился когтями в плечо Леандра.

«И никто не споет нам погребальной песни. Только если чайки. А они поют отвратительно».

— Тогда постарайся не утонуть, Корв! — рявкнул Леандр, сплевывая горькую воду. — Держись!

«Держаться? За что? За твою гениальную идею искать "новые земли"? Я говорил тебе еще в Синопе: плыви вдоль берега! Но нет, ты решил срезать путь!»

— Это называется оптимизация маршрута, — Леандр рванул канат, пытаясь удержать нос против волны.

«Это называется утопление с философским обоснованием! Когда мы выживем. Если выживем. Я требую месяц миндаля и теплое гнездо!»

— Когда выживем, — прохрипел Леандр, шурясь в темноту, — я куплю тебе два мешка. Один сладкий, один соленый.

«Отличная сделка. Жаль, что рыбы ее не оценят, когда станут обглаживать наши кости».

Корабль швырнуло вверх. Очередная волна накрыла палубу ледяным плащом. Бороться с морем было бесполезно. Ветер рвал остатки паруса, а в трюме что-то угрожающе хрустнуло. Впереди сквозь мглу проступило что-то плотное. Темнее, чем тучи.

Берег.

— Корв! — заорал Леандр. — Земля!

«Прекрасно! Теперь мы разобьемся о скалы. Какое разнообразие!»

Удар потряс «Онейру» от носа до кормы. Леандра швырнуло вперед. Пальцы соскользнули с мокрого дерева, теряя опору, и мир провалился в холодную тьму.

* * *

В глубине каменного храма на берегу Термодона Алкея стояла перед алтарем.

Буря бушевала снаружи. Внутри царила тишина. Тишина обета. Серебряная фибула на плече, единственная память о матери, тускло отблескивала в свете масляных ламп.

Губы шептали знакомые слова. Руки, сложенные на рукояти копья, были неподвижны. Алкея знала этот ритуал наизусть, и все же мысли уплывали к прошлому, от которого она сознательно и гордо отказалась.

Ее мир казался прочным, как скала. Она еще не знала, что боги уже бросили кости, и к ее безупречной броне подбирается не вражеский клинок, а случайный гость.

Глава 1: Берег чужих богов

Море выплюнуло его на берег, как невкусную рыбу.

Леандр лежал на холодном крупном песке, чувствуя, как каждая галька под лопаткой превращается в пыточный инструмент. Над ним кружилось белесое небо, еще не решившее, хочет оно быть утренним или остаться в сумерках. Он пытался вспомнить, когда именно нить его судьбы завязалась в этот мокрый узел. Вчера утром? Когда он решил срезать путь через пролив, проигнорировав тягучее ощущение в затылке — сонный привет от отца-Гипноса? Или еще раньше, когда торговка в Синопе предсказала ему «встречу, которая сорвет доспехи с его души», а он лишь рассмеялся и купил у неё мешочек сушёного чабреца?

Леандр закрыл глаза. Во рту стоял привкус соли и чего-то горького, то ли страха, то ли морских водорослей. Он почувствовал тяжесть на груди. Промокший ворон сидел на нем, вцепившись когтями в тунику, и методично отряхивался, посылая холодные брызги прямо Леандру на подбородок.

«Ну вот, — донеслось из глубины сознания (голос Корва скрежетал, как ржавый гвоздь по камню). — Отлично. Прекрасный план, итурман. "Срезаем путь", говорил. Быстрее доберёмся, говорил. А теперь мы выброшены на берег, как дохлые медузы, и я весь в соли. Ты понимаешь? ВЕСЬ. В СОЛИ».

Леандр с трудом сглотнул. Горло саднило.

— Корв... Ты цел?

«К сожалению. После такого плавания смерть кажется весьма заманчивой перспективой — там хотя бы сухо!»

— Тогда помолчи, — прохрипел Леандр. — Хотя бы минуту. Дай мне понять, где у меня право, а где лево.

«Минуту?! — ворон возмущенно переступил лапами по его плечу. — Ты просишь минуту тишины у меня? У того, кто только что едва не стал частью морского рациона из-за твоего желания послушать свой внутренний компас? И что он сказал? "Плыви сюда, тут отлично!". А знаешь, что тут на самом деле? Шторм. Скалы. И, судя по запаху воздуха, неприятности, размер которых ты даже своим травяным мозгом не охватишь».

Леандр сел, преодолевая тошноту. Мир перед глазами качнулся. Берег был неприветлив: искривлённые от ветра кусты и серые холмы, суровые, как лицо старого воина. Слева, в пене прибоя, жалобно скрипели обломки «Онейры», его маленького мира, не выдержавшего столк-

новения с большой реальностью. Справа, вдоль берега, тянулась узкая тропа к городским стенам.

— Фемискира, — выдохнул Леандр. Воспоминание о торговке кольнуло под ложечкой. — Так вот о каком берегу ты болтала, старуха.

«Что? — в сознании птицы взметнулась волна подозрения. — Только не говори, что это тур по святым местам».

— Южный берег Понта. Устье Термодона. Это может быть только она.

«Фемискира, — повторил Корв с нескрываемым ядом. — Город амазонок. Женщин, которые, если верить слухам, бреются кинжалами и скармливают сердца мужчин своим коням. А из того, что остается, варят похлебку».

— Слухи всегда преувеличены, — пробормотал Леандр, попытавшись встать. Пошатнулся, оперся о торчащий из песка обломок мачты.

«Ты уверен?»

— Нет. Совсем не уверен.

Леандр прищурился. Даже сквозь туман город выглядел как сжатый кулак. Невысокие стены, но крепкие, усиленные деревом. Над ними вились тонкие струйки дыма. Сила, не терпящая чужаков.

— Но если я не найду крышу до заката, лихорадка убьет меня раньше, чем их кинжалы. К тому же... мой сундук...

Он оглянулся. На мелководе качался ящик, обитый промокшей кожей. Его сундук. Всё, что делало Леандра кем-то большим, чем просто забытым богом сына: мази, свитки, сушеные корни.

«Не вздумай», — предостерег Корв.

Леандр уже брёл к воде. Волны были холодными, злыми, будто всё ещё помнили вчерашнюю ярость. Он по пояс вошёл в прибой, схватил сундук за ручку и потащил к берегу. Тяжесть была проклятой, но он тащил, стиснув зубы, пока не выволок груз на гальку и не рухнул рядом.

Корв важно уселся на крышку сундука.

«Идиот. Героический, мокрый идиот. Надеюсь, там хотя бы миндаль».

— Там книги, — выдохнул Леандр. — И лекарства.

«Книги. Отлично. Мы умрём от голода, но зато образованно».

Леандр не ответил. Он вытащил из мешочка веточку сушёного чабреца, помятую, серую от воды, и принялся крутить её в пальцах, вдыхая аромат дома.

«Что ты делаешь?»

— Слушаю.

Он прикрыл глаза. Дар отца позволил уловить лишь обрывки: дробный стук копыт, женский смех, резкий, как удар меча, запах кожи и можжевельника. И чьи-то глаза — холодные, серо-зелёные, как зимнее море.

Он открыл глаза и вздохнул.

— Нас ждут неприятности.

«Ну наконец-то, — связвил Корв. — Я уж думал, ты не заметишь эту огромную табличку "Добро пожаловать в ад", которую мы только что переплыли».

Глава 2: Неудачный торг.

Они шли вдоль берега. Леандр, волоча сундук, Корв, сидя на его плече и мысленно комментируя каждый шаг.

«Вон, смотри, ещё один обломок. Это был нос твоей любимой посудыны. Прощай, нос. Ты был... носатым».

— Корв.

«Что? Я скорблю. По-своему».

Тропа вела к холму, за которым начинались возделанные поля. Удивительно ухоженные, с ровными бороздами, словно каждое зерно здесь сажали по уставу. Дальше виднелись загоны с конями: низкорослыми, жилистыми, степными. Они паслись свободно, но держались кучно, настороженно, будто и сами знали, что живут в царстве воительниц.

А потом Леандр увидел её.

Стену. Не такую высокую, как в греческих полисах, но внушительную. Глина, дерево, утрамбованная земля: всё слилось в единое целое, живое и грозное. Над стеной поднимались крыши: плоские, крытые тростником и шкурами. А на башне, у северных ворот, стояла фигура.

Женщина. Даже издали было видно: лук в руках, колчан за спиной, взгляд, устремлённый не на море, а в степь — туда, откуда приходила настоящая опасность.

«Ну вот, — прошептал Корв в его сознании. — Приплыли. В прямом и переносном смысле. Давай развернёмся, пока не поздно? Я знаю отличное место в Синопе, где нас не убьют».

— Поздно, — тихо ответил Леандр.

Потому что с тропы, ведущей к городу, уже скакали всадницы.

Их было четверо. Кони серые и гнедые, летели так, будто под копытами горела земля. Всадницы сидели в сёдлах легко, вросши в животных, как будто родились на их спинах. Кожанные доспехи, туго стянутые ремнями, подчёркивали каждое движение. В руках были зажаты короткие метательные копыя, готовые взлететь в любой миг.

Леандр медленно опустил сундук. Поднял руки — жест древний, понятный: "я безоружен".

Корв замахал крыльями, издавая серию тревожных карканий.

«Прекрасно, — донеслось из глубины связи. — Теперь мы точно умрём».

Всадницы окружили их за три вдоха. Кони фыркали, переступали, их бока вздымались. Копья были направлены на Леандра — четыре острия, четыре обещания быстрой смерти.

Одна из всадниц, старшая со шрамом через бровь, смотрела на него глазами цвета старого, мутного янтаря. В её взгляде не было ненависти — только холодная оценка, как смотрят на неисправную деталь или ядовитую змею, выползшую на порог.

— Мужчина, — констатировала она. В этом слове не было вопроса. Только факт. Как если бы она сказала: "Змея" или "Падаль".

— Путник, — поправил Леандр. Его голос дрогнул, но он заставил себя смотреть ей прямо в глаза. — Потерпевший крушение. Я не ищу неприятностей. Я ищу только возможности обсохнуть и не умереть от озноба.

— Мужчина на нашем берегу — это и есть неприятности, — отрезала она. — Ты нарушил границу. Вяжите его.

— Подождите, — сказал он, и в голосе его прозвучала та мягкая, убедительная нотка, которая обычно помогала уговорить купцов на скидку или рыбаков поделиться уловом. — Я понимаю, что это... неудобно. Чужак, мужчина, берег. Но давайте посмотрим на ситуацию практически.

Старшая всадница застыла с верёвкой в руках.

— Практически?

— Да. Я — травник. Целитель. — Он кивнул на сундук. — Там, внутри, лекарства. Мази, настойки, перевязочный материал. Вещи полезные. Особенно для тех, кто живёт в постоянной

готовности к бою. Растяжения, ушибы, порезы... — он сделал паузу, оценивающе глядя на её лошадь, — вот, например. Ваша лошадь хромает. Левая передняя. Видите, как она переносит вес?

Всадница скосила глаза на коня. Тот действительно слегка припадал.

— Я могу помочь, — продолжил Леандр, чувствуя, что нащупал нить. — Мазь из окопника и арники. Втереть, перебинтовать. Через два дня хромота пройдёт и ваш конь снова будет летать, как ветер. Или... вы можете связать меня, и ваш конь будет хромать, пока не станет совсем бесполезным. Выбор за вами.

Молчание растянулось, как туго натянутая тетива.

Младшая всадница, рыжая, с веснушками на обветренном лице, вдруг не выдержала и фыркнула.

— Он... он что, торгуется? С нами? Прямо сейчас?

— Я предлагаю взаимовыгодное сотрудничество, — невозмутимо уточнил Леандр.

«С людьми, которые хотят использовать твои кишки как гирлянду для храма, — добавил Корв. — *Гений дипломатии*».

— Мазь от растяжений, — повторила старшая, и в её голосе прозвучало что-то новое. Не уважение. Скорее... изумление перед абсурдом ситуации. — Ты предлагаешь мазь амазонкам, которые держат тебя на острие копья.

— Идеальную для конных лучниц, — невозмутимо кивнул Леандр. — Поясница и бёдра — ваши слабые места при таких скачках. Поверьте, через пять лет вы вспомните мои слова.

Корв издал звук, который можно было принять за стон, и спрятал голову под крыло.

«*Всё, — донеслось из-под перьев. — Мы умрём. Нас убьют. И я умру голодным, слушая лекцию о пояснице*».

Старшая всадница смотрела на Леандра долгим, изучающим взглядом. Потом медленно опустила верёвку.

— Ты либо очень смел, чужеземец, либо шторм вытряс из твоей головы последние остатки разума.

— Третий вариант, — тихо сказал Леандр. — Очень устал и надеюсь выжить, используя то, что умею.

Она резко кивнула. .

— Ханна, возьми его сундук. Осторожно. Там, видимо, спасение для всех наших чресл. — Сарказм, но уже без яда. — Остальные в круг. Ведем его в город. Пусть царица решит, что делать с этим наглым целителем и его взъерошенной курицей на плече.

«*Наконец-то разумное решение, — проворчал Корв в голове Леандра. — Хоть кто-то тут думает головой*».

Леандр взял сундук (Ханна — крепкая, молчаливая амазонка, лишь кивнула, позволяя ему тащить его самому, но держась рядом). Они двинулись к городу.

Всадницы окружили их плотным кольцом. Копья по-прежнему были наготове, но острия теперь смотрели не на Леандра, а вовне — как если бы он уже был частью их груза, который нужно доставить в целости.

Пока они шли, Леандр ловил взгляды. Амазонки не скрывали любопытства — он был диковинкой, редкостью. Одна из младших, та самая с копной рыжих волос, даже привстала в стременах, чтобы лучше рассмотреть.

— Он... обычный, — разочарованно протянула она. — Я думала, мужчины страшнее.

— Некоторые страшнее, — сухо ответила старшая. — Этот просто мокрый.

Корв издал серию отрывистых карканий, удивительно похожих на хихиканье.

«*Слышал? — ехидно прозвучало в голове Леандра. — Мокрый. Вот твоя характеристика, герой. "Обычный и мокрый"*».

Леандр промолчал. Он смотрел вперёд, туда, где за воротами открывался город. Фемискира. Чьё имя он слышал лишь в легендах. И с каждым шагом странное, тягучее предчувствие только крепло.

Что-то ждало его там. Не смерть — нет, ему бы уже вонзили копье. Что-то другое. Что-то, от чего отец-Гипнос прислал бы предупреждение, если бы не был так далеко, в своих туманных чертогах.

Ворота распахнулись.

И Леандр шагнул в мир, который его не ждал. Но который, похоже, приготовил ему место.

Глава 3: Жрица и «морская крыса»

Алкея не любила утро.

В Фемискире оно всегда наступало слишком резко: с лязгом бронзы на плацу, яростным ржанием степных коней и гортанными выкриками воительниц. Утро требовало безупречности, а сегодня Алкея чувствовала себя так, словно её собственная душа была плохо натянутой тетивой — одно неверное движение, и она больно ударит по руке.

Она стояла у края плаца, широкого, утрамбованного участка между казармами и храмом, и смотрела, как пара неофиток безуспешно пытается укротить тяжелые скифские луки. Девушки были молоды, их движения угловаты и по-детски суетливы. В каждом их взгляде на жрицу читался такой густой страх, что он мешал им просто ровно дышать.

— Плечо ниже, — бросила Алкея. Её голос был сухим и резким. — Ты целишься в мишень, а должна в её суть. Если рука дрожит от мысли о промахе, ты уже проиграла.

Темноволосая зажмурилась, выстрелила. Стрела прошла мимо, воткнувшись в землю.

Алкея закрыла глаза. Сосчитала до трёх. Открыла.

— Двадцать кругов вокруг плаца. Бегом. С колчаном. Может, тогда ты научишься уважать вес стрелы.

— Но, жрица...

— Бегом.

Девушка сглотнула, кивнула и побежала. Вторая, бледнее, подняла лук.

Алкея смотрела, чувствуя, как в висках пульсировала нудная боль, эхо бессонной ночи. Сны были мутными, липкими: серебряные стрелы в них превращались в извивающихся змей, а из темных углов храма доносился чужой шепот и запах... не жертвенного дыма, а жасмина и соли.

Знаки. Всегда знаки. И всегда туманные, как если бы богиня нарочно говорила загадками.

— Алкея!

Она обернулась. К ней через плац спешила младшая сестра, вся в движении, в энергии, в вечной, раздражающей лёгкости бытия. Волосы растрепались, хитон перекосялся, но на лице сияла улыбка, будто она только что нашла клад.

— Лисиппа. Ты должна быть на дозоре.

— Была. Вернулась. — Она остановилась, переводя дыхание. — Слушай, там... на берегу. Патруль Гиппы привёл... — она замялась, подбирая слово. — Находку.

Алкея подняла бровь.

— Какую находку?

— Мужчину.

Воздух в груди Алкеи словно заledenел. Даже ученицы на поле замерли, жадно ловя каждое слово.

— Мужчину? — переспросила она, и это слово на её губах ощущалось как кусок ржавой окарины. — Как он там оказался и почему до сих пор жив?

— Он... Потерпел крушение. Морякишко какой-то. С сундуком и со странной птицей. Чёрной, большой. Ворон, кажется. И, Алкея... — Лисиппа замялась, едва сдерживая смехок, — он совершенно невозможный. Стоял под копьём Гиппы и на полном серьёзе пытался всучить ей мазь для лошадиных круп. Сказал, что у нас, цитирую, «проблемные поясницы».

Алкея сжала кулаки так, что серебряные кольца впились в кожу.

«Артемидо, дай мне терпения. Мужчина, осквернивший своим присутствием священный песок, ведет себя как базарный плут, расхваливающий гнилую рыбу».

— Где это... недоразумение? — процедила она.

— В тронном зале. Ференика уже созывает совет.

Алкея развернулась и почти бегом направилась к храму.

— Алкея! — сестра побежала следом. — Ты куда?

— Готовиться, — коротко бросила Алкея. — Если Ференика созывает совет, значит, она не казнила его сразу. А это значит, кто-то должен напомнить ей, что мужчина на нашей земле — это не диковинка, а осквернение. И я сделаю это.

* * *

Она вошла в храм, прохладный, полутёмный, пахнущий можжевельником и старым камнем. В центре, на постаменте, возвышалась статуя Артемиды. Строгая, безупречная, с луком в руках и взглядом, устремлённым куда-то в вечность.

Алкея опустила на колени. Коснулась лбом холодного мрамора пола.

— Владычица, дай мне знак, — прошептала она. — Пусть это будет просто пена морская, случайный мусор. Если это испытание, я приму его. Но дай мне сил видеть ясно и не поддаваться гневу, который застит глаза.

Статуя молчала, глядя перед собой холодными мраморными глазами. Алкея поднялась, резко одернула хитон и пошла к совету, чувствуя, как внутри завязывается тугой, болезненный узел.

Лисиппа ждала снаружи, привалившись к стене.

— Знаешь, — задумчиво сказала она, — я видела его глаза. У него глаза... странные. Не злые, не хитрые. Просто... усталые. Как будто он уже видел столько, что ничему не удивляется. Даже тому, что его вот-вот могут убить.

Алкея остановилась.

— И что ты этим хочешь сказать?

Лисиппа пожала плечами.

— Ничего. Просто... любопытно. Говорят обычно мужчины, которых мы ловим, либо орут, либо молят о пощаде. А этот... улыбался. Устало так, криво. И говорил про мазь.

Алкея шагнула ближе. Посмотрела сестре в глаза — тёмные, ясные, наивные.

— Лисиппа. Ты помнишь, что случилось с Киллой? Той, что полюбила торговца из Синопы?

Лисиппа смолкла. Кивнула.

— Помню.

— Она отреклась от Артемиды. И ушла, потому что сёстры больше не могли на неё смотреть. — Голос Алкеи стал тише, жёстче. — Мужчины — это не любопытство, сестра. Это трещина. Один шаг — и всё, что ты построила, рухнет. Запомни это.

Она пошла дальше, к тронному залу, оставив Лисиппу стоять в молчании.

* * *

Тронный зал Фемискиры был лишен греческой роскоши. Здесь правили практичность и суровая мощь. Большое прямоугольное помещение с земляным полом, устланным циновками. Вдоль стен на скамьях восседали капитаны отрядов, старшие воительницы и хранительницы традиций. В центре, на невысоком возвышении, стояло кресло Ференики, сплетённое из ивовых прутьев и оленьих рогов.

Царица сидела, откинувшись назад, с чашей разбавленного вина. Ференика видела слишком много, чтобы удивляться, и слишком мало верила в абсолюты, чтобы быть фанатиком. Седые пряди вились в тёмных волосах, шрамов на руках было больше, чем у иного воина, а серые острые глаза видели собеседника насквозь. Сейчас этот взгляд был прикован к человеку в центре зала.

Алкея вошла тихо и замерла у стены, скрестив руки. Против воли она посмотрела на пленника.

Чужеземец казался... обычным. Мокрая туника липла к телу, волосы спутаны. Но в его позе не было рабской покорности. Он стоял, чуть склонив голову, и вертел в пальцах веточку чабреца, будто зашёл спросить дорогу, а не ждал приговора. И глаза. Лисиппа оказалась права: цвета тёплого янтаря. Так смотрит тот, кто слишком много думал и слишком мало спал.

На плече незнакомца сидел ворон, чёрный и неподвижный, как кусок обсидиана.

— Странная птица, — нарушила тишину Ференика, кивнув на Корва, который разглядывал зал с явным недовольством. — Ручная?

— Скорее... своевольная, — осторожно ответил Леандр. — Мы... понимаем друг друга.

Корв издал громкое, протестующее карканье, взмахнул крыльями и переступил лапами по плечу спутника. Несколько амазонок хмыкнули. Царица прикрыла улыбку чашей, а Алкея лишь сильнее стиснула зубы.

— Твоё имя, — негромко потребовала Ференика.

— Леандр. Сын... — он замялся, — сын Гипноса и смертной женщины. Травник, моряк, целитель. По совместительству жертва плохой погоды.

— Сын бога, — хозяйка Фемискиры приподняла бровь. — Редкая диковинка в наших краях.

— Полубог, — поправил тот. — А это значит, я получил ровно половину божественности. И, как показал вчерашний шторм, это была не та часть, что позволяет договариваться с морем.

Сдавленный смех прокатился по залу, но его оборвал резкий стук дровка о землю. С дальней скамьи поднялась Оресия — старая воительница, чье лицо напоминало иссеченную морщинами кору.

— Мы слушаем басни, пока наш берег осквернен? — её голос проскрипел, как несмазанная петля. — Артемиде не оценит это остроумие, Ференика. Закон велит очистить землю кровью захватчика. Или ты хочешь, чтобы следующая охота была пустой?

Ропот согласия волной прошел по рядам. Алкея вышла вперед. Её движение было подобно ледяному сквозняку, ворвавшемуся в теплую комнату.

— Оресия права.

Леандр повернул голову. Жрица приготовилась встретить наглость или животный страх, но увидела... узнавание. Словно он видел её раньше.

— Алкея, — в голосе царицы прозвучала едва уловимая ирония. — Ты вовремя. Как всегда.

Воительница оторвала взгляд от пленника и обратилась к трону:

— Я пришла напомнить совету о законе. Каждое слово она чеканила, глядя только на Ференику. — Мужчина на нашей земле — это яд. Трещина в защите. Он должен быть принесен в жертву на закате. Его кровь смывает пятно с берега.

Леандр не вздрогнул. Лишь чуть наклонил голову, изучая её с непонятым вниманием.

— А у вас тут предусмотрено право на последнее слово? Или вы сразу переходите к разделке?

— Ты смеешь шутить? — Алкея шагнула к нему, рука инстинктивно легла на рукоять кинжала.

— Я пытаюсь выжить, жрица, — тихо ответил он. — Чувство юмора — единственная броня, которая у меня осталась. Доспехов нет, а вера в богов изрядно подмочена соленой водой.

Внутри у Алкеи всё закипало. Не от ярости, а от того, что этот человек не вписывался в её картину мира. Она подошла еще ближе, уловив исходящий от него холодный аромат соли.

— Ты здесь по воле богов, которые испытывают нас. Ты — искушение. Трещина. И единственный способ остаться верными — закрыть её. Твоей кровью.

Леандр молчал, глядя ей в глаза, затем медленно кивнул.

— Ты веришь в это, — произнес он, и в голосе прозвучала такая искренняя жалость, что жрица на мгновение потеряла дар речи. — Искренне веришь. Мне жаль... Жить в мире, где каждый гость враг, а каждая трещина конец света... Должно быть, это невыносимо одиноко.

Алкея замерла. Слова ударили сильнее копья.

— Как ты смеешь...

— Довольно! — Ференика ударила ладонью по подлокотнику. — Алкея, я ценю твою верность. В моё время мы тоже клялись Артемиде не менее истово. Однако в жертву приносили козлов, а не полубогов, смыслящих в медицине.

Царица поставила чашу и подалась вперед. Мягкость исчезла из её тона.

— Кровь — это просто, Оресия. Кровь — это быстро, Алкея. Но я смотрю на пустые полки в лазарете после набега киммерийцев и вижу другую правду. Нам нужны руки, которые

умеют зашивать раны, а не только их наносить. Он остается. Как заложник. Возможный источник выкупа. Или... — она бросила беглый взгляд на Леандра, — весенний муж, если кто-то из сестёр захочет продолжить род.

Зал взорвался. Резкий выкрик Оресии потонул в многоголосом гуле возмущения; кто-то из молодых воительниц издал короткий, двусмысленный смешок, тут же прикусив губу под тяжелыми взглядами старших. Острые копья одной из стражниц со скрежетом чиркнуло по камню стены. Алкея почувствовала, как по лицу ударил жар. Её взгляд, полный ледяного бешенства, впился в царицу. Это было не решение — это была пощёчина.

— Царица, это безумие! — выдохнула она, едва сдерживаясь, чтобы не схватиться за меч.

— Это моё решение, — жёстко оборвала та, не скрывая лёгкой усмешки. — И оно окончательно. — Ференика кивнула стражницам. — Отведите его в клетку. Воду дважды в день. Хлеб один раз. Пусть делом докажет, что его мази стоят того, чтобы мы терпели эту болтовню.

Две амазонки грубо схватили Леандра за плечи. Тот не сопротивлялся, лишь подхватил свой сундук. Проходя мимо Алкеи, он на секунду замер. Запах моря и целебных трав перебил аромат воска.

— Я постараюсь не быть трещиной, — шепнул он. — По крайней мере, не сегодня.

Алкея осталась стоять в пустеющем зале. Она смотрела на то место, где только что стоял чужак, и видела на земле маленькую веточку чабреца. Размятую, пахнущую чем-то живым и совершенно запретным.

Глава 4: Клетка для не-льва

Клетка была маленькой. Пространство сжималось до размеров вытянутой руки, напоминающей: ты здесь не гость. Прутья — толстые, обтесанные топором стволы, стянутые сыромятной кожей. На дереве еще желтели капли застывшей смолы, горькой и липкой. Пол — утрамбованная земля, хранящая запах пыли и прелой соломы. В углу — деревянная миска с мутной водой и кусок хлеба, черствый, как обломок скалы.

Леандр опустился на землю, чувствуя, как узловатая кора впирается в лопатки. Сундук стоял рядом. Стражницы бросили его следом, словно грудку ненужного хлама. Видимо, решили, что сушеные корни не опаснее их владельца.

Он снова достал веточку чабреца. Стебель был измятым и влажным, но Леандр продолжал терзать его пальцами, пока под ногтями не заныло — единственный способ унять дрожь в коленях. Дрожь была мелкой, позорной, идущей откуда-то из самого живота. Сын бога сна не боялся смерти. Он слишком часто видел её в своих видениях, но он боялся стать частью чужого ритуала.

Корв расхаживал по крышке сундука, когти выбивали по коже сухую дробь.

«Клетка! Нас посадили в клетку, как каких-то... как каких-то певчих дроздов! Я — ворон бога, а не домашний питомец!»

— Тише, Корв. Мы дышим. Это уже на одну победу больше, чем я рассчитывал, когда увидел ту жрицу.

«Жрица. О да. Удивительно гостеприимная женищина. Принести в жертву, смыть кровь. У неё наверняка много друзей».

Леандр прикрыл глаза, втягивая носом горьковатый аромат трав.

— Она напугана.

«Напугана? У неё был взгляд человека, который уже выбрал тебе дерево для костра»

— Она боится того, что я могу значить. Я для неё — шум в идеальной тишине. Неправильная нота. А те, кто привык маршировать под барабан закона, ненавидят тех, кто сбивает ритм. Для неё мир — это строй. А я — заноза в пятке этого строя.

Корв замолчал. Потом тихо, почти без привычного яда, передал:

«Ты начал рассуждать о сути бытия. Это дурной знак. Обычно ты становишься занудным мудрецом, когда мы по колено в Аидовом дерьме».

Леандр криво усмехнулся. Открыл глаза и посмотрел вверх. Закат разрезал небо на полосы охры и запекшейся крови.

— Знаешь... я ведь мог остаться в мастерской дядюшки. Глина, круг, тихий скрип формы. Никаких штормов. Никаких девиц, мечтающих украсить мой кадык кинжалом. Только я и мои горшки.

«Горшки», — отозвался ворон.

— Да. Скука, от которой сводит челюсти. Идеальная жизнь.

«Лучше спи, гончар недоделанный, — проворчал Корв. — Потому что если завтра нас решат пустить на ремни, я хочу, чтобы ты хотя бы не зевал перед палачом».

Леандр рассмеялся хрипло и коротко. Откинул голову, слушая, как гудит в прутьях ветер.

Корв свернулся клубком, уткнув клюв в перья, но их связь всё ещё пульсировала на грани сознания, едва ощутимым, ворчливым теплом. Единственная нить, связывавшая Леандра с реальностью в этом городе, где даже камни казались наточенными.

Город жил. Доносился лязг железа о железо, обрывки гортанных песен, сухой топот копыт. Жизнь, которая выплевывала его, как косточку от плода. Воздух пах кострами и чужой, сытой уверенностью.

Сон не шел.

Леандр лежал, глядя в звезды через перекладыны, и заставлял себя думать о разумном. О том, что в сундуке остался корень валерианы и можно сделать настойку от лихорадки, если дадут воду потеплее. О маршруте вдоль берега до Синопы... Если все-таки удастся уйти.

Вместо этого он почему-то думал о том, как она — эта жрица, Алкея — закрыла рот на полуслове. О том, как у неё дернулась жилка на шее, когда она сжимала нож. О том, что её глаза цвета грозового неба совсем не подходят к ледяному тону её голоса.

Странно.

Он решительно перевернулся на бок. Закрыв глаза. Валериана. Синопа. Корв, который завтра потребует компенсацию за моральный ущерб.

Жилка на шее. То, как она смотрит, словно хочет ударить, но почему-то медлит.

Леандр открыл глаза и уставился в темноту прутьев.

— Вот этого не надо, — прошептал он сам себе.

* * *

А в это время в храме Алкея стояла на коленях.

Молилась так долго, что ноги онемели, превратившись в два чужих куска дерева. Пальцы привычно нащупали серебряную фибулу на плече. Мать всегда говорила: *«Боги любят тех, кто выбирает сам, а не тех, кто только подчиняется»*. Тогда Алкея пропустила это мимо ушей. Сейчас слова царапали изнутри, как застрявшая рыба кость.

Лампада перед статуей мигнула и погасла.

Алкея смотрела на черный фитиль. Никакого божественного присутствия, просто кончилось масло. Тонкая струйка дыма тянулась кверху. В темноте лицо статуи исказилось. Камень оставался неподвижным, но Алкее казалось, что зрачки Артемиды расширились, впитывая её страх. Богиня не одобряла — она ждала ошибки. Или предательства.

Алкея поднялась. Колени хрустнули так громко, что эхо ударило в своды.

— Я не прячусь, — прошептала она в пустоту, сдирая кожу на ладонях ногтями. — Я служу.

Ответа не было. В нос ударил запах можжевельника, старого камня и чего-то приторного, липкого.

Жасмин.

Она замерла. Воздух застрял в горле. Жасмин — цветок Афродиты. В святилище Охотницы этот запах был как плевков в алтарь. Он обволакивал, лип к коже, обещая позорную слабость.

Алкея почти выбежала из храма. Ночной воздух обожг легкие. Где-то в степи были волки. Рваные, голодные звуки.

Она снова сжала фибулу, впиваясь краем металла в кожу. Крохотная искра боли отрезвляла.

— Выбирать самой, — повторила она шёпотом. — А если я выберу не то?

Звезды над Фемискирой были просто белыми точками на пустом небе. Алкея почувствовала, как давит бронзовый панцирь. Раньше он защищал, теперь мешал дышать. Ремни впивались в плечи, металл казался непомерно тяжелым. Под доспехами не осталось ничего, кроме гулкой, звенящей пустоты.

Где-то там, за двойной стеной и охраной, сидел чужак с янтарными глазами. Алкея помнила его взгляд — непростительно спокойный, понимающий. Он смотрел на неё в тронном зале не как на палача, а как на загнанного зверя. И это знание жгло сильнее, чем все огни храма: этот человек, которого она должна была убить, видел её страх раньше, чем она сама решилась в нем признаться

Глава 5: Сны из трещины мира.

Ночь в Фемискире пахла дегтем, остывающим камнем и приближающейся грозой. Воздух стал тяжелым, и это давление Леандр никак не мог стряхнуть с затылка, оно предвещало не только дождь, но и скорое видение. Он лежал на соломе, чувствуя спиной каждый жесткий ком земли и камни под настилом. Звёзды между перекадин клетки казались чужими, расположенными не так, как над Эгейским морем.

«Перестань вертеться», — проскрежетал Корв. Ворон сидел на углу сундука, напоминая комок черной желчи. В темноте его было почти не видно, только два янтарных глаза, светящихся ехидством. Птица переступила с лапы на лапу, и когти сухо царапнули по дереву.

«Ты шуришишь этой травой так, будто пытаешься свить гнездо. У нас нет времени на семейный уют, гончар. Нам надо планировать побег, а не размножение».

— Я не вяю гнездо, Корв, — тихо отозвался Леандр, сжимая в пальцах веточку чабреца. Запах уже выдохся, но привычка крутить что-то в руках осталась. — Я пытаюсь не заснуть. В затылке тяжесть. Так приходят вещие сны. И хорошего в них точно ничего нет.

Корв помолчал, наклонив голову набок. Его правый глаз блеснул в слабом свете далекого факела.

«Ну и смысл тянуть? Всё равно увидишь. Чем быстрее отмучаешься, тем быстрее поймём, во что вляпались».

Леандр покрутил веточку, сломал пополам, отложил в солому. Корв прав. Если Гипнос решил показать ему этот сон — он его покажет. Можно сидеть, не спать, крутить чабрец до дыр, но всё равно уснёшь под утро, и сон будет тот же. Только голова заболит сильнее.

Он помедлил. Потом откинулся на солому, заложил руки за голову.

— Ладно. Будь что будет.

Закрыв глаза. Тяжесть в затылке взяла своё.

Сон не пришел. Он обрушился.

Степь. Бескрайняя, выжженная, дышащая жаром. Небо над ней низкое, свинцовое, будто придавленное невидимой рукой. И по этой степи, поднимая тучи пыли, двигалась орда.

Всадники. Сотни. Может, тысячи. Во сне расстояния и числа текли, как вода, отказываясь быть точными. Лошади низкорослые, жилистые, с пеной на мордах. Люди закутанные в шкуры и грубую шерсть, с лицами, обожжёнными ветром и солнцем до цвета старой кожи. Копья, луки, короткие изогнутые мечи.

Киммерийцы.

Леандр знал их по рассказам. Кочевой народ, что приходил из глубин степи, как саранча, сметая всё на своём пути. Они не строили городов, не знали законов, кроме одного: сильный забирает всё.

Взгляды, которые он ловил, были полны ярости и жадности — чего-то древнего, голодного. Слышался лязг оружия и рёв коней. И он видел, куда они идут. К стенам. Глинобитным, знакомым, с башнями, на которых развевались флаги Фемискиры.

Сон дёрнулся, сместился. Теперь Леандр стоял на стене, смотрел вниз: на море тел, на копья, вздымающиеся, как колосья перед жатвой. Слышал женские крики — не страха, а ярости. Видел, как горят дома, как рушатся стены. Воздух стал густым от гари, и треск пламени перекрывал даже гул наступающей орды.

И в самом центре хаоса был незнакомец. Рваный шрам рассекал его голову надвое — от лба до самого подбородка. Взгляд мёртвый, как у акулы. Один глаз был затянут белесой пленкой, другой острый и темный впивался в пространство перед собой. Он смотрел на город не как на добычу. Как на оскорбление, которое нужно стереть.

— Они придут, — прошептал кто-то рядом с Леандром.

Он обернулся. Там никого не было. Только женский голос.

— Они придут, и ты должен будешь выбрать...

— Кто ты? — спросил Леандр в пустоту.

Но сон уже рассыпался, как песок сквозь пальцы.

Он проснулся с коротким криком и резко сел, едва не выбив плечом дверцу клетки. Солома брызнула в стороны. Несколько секунд он просто сидел, держась за прутья, пока грудная клетка не перестала ходить ходуном. Во рту остался привкус степной пыли.

«Проснулся, — проворчал Корв, не открывая глаз. — Судя по тому, что ты дрожишь, нам пора заказывать погребальные костры. Что там?»

— Смерть, Корв. Смерть с лицом, разрезанным пополам.

Леандр провёл ладонью по лицу. Пальцы всё ещё дрожали. Он ненавидел это чувство, когда сон не отпускает, а вязнет под кожей, мешая дышать.

И тут он увидел её.

Факел чадил ровно в десяти шагах от клетки, специально, чтобы пленник был на виду. И в этом оранжевом, маслянистом свете стояла девушка лет пятнадцати, не больше. Копьё она держала так, словно это не оружие, а опора.

«Почему они ставят детей в ночной караул?» — мелькнуло у него.

Она смотрела прямо на него. Не на клетку, не на сундук — на него. Когда их взгляды встретились, лицо у неё дёрнулось, будто её застали за чем-то запретным. Она резко отвернулась, уставилась в темноту.

«Она слышала», — понял он. И следом, холодно и отчётливо: — *«Это мой шанс»*.

Ференика ему не поверит. Жрица готова прирезать его за одно дыхание. Но если эта девочка передаст хотя бы слово, если дойдёт до совета, если царица хотя бы нахмурится...

Ему нужно только одно: чтобы его выслушали. Потому что если вождь со шрамом действительно идёт к этим стенам, то через несколько дней уже будет всё равно, верит ему кто-то или нет. И клетка, и город, и эта перепуганная девчонка с копьём — всё полетит в пепел.

— Эй, — позвал Леандр. Голос сел, пришлось откашляться. — Эй, послушай.

Она вздрогнула. Всем телом, как лошадь, на которую прикрикнули. Но не ушла. И не обернулась. Только сжала древко копья сильнее. Леандр видел, как дрожит тень от её копья на камнях пола.

— Мне нельзя с тобой разговаривать, — выдохнула она, не поворачивая головы. — Приказ царицы.

— Я знаю. — Он подался вперёд, взялся за прутья. Холодное дерево, шершавое, с занозами. — Я не прошу разговаривать. Просто постой рядом. Мне нужно, чтобы кто-то слышал.

Она молчала. Он уже решил, что она сейчас уйдёт — быстро, не оглядываясь, доложит старшей, что пленник беспокоен и бредит. И будет права.

Но она не ушла.

Медленно, очень медленно, так, что Леандр успел дважды вдохнуть и забыть выдохнуть, она повернула голову. Свет факела осветил её лицо. Круглые щёки, мягкий подбородок, веснушки рассыпью через переносицу. Глаза тёмные, влажные, в них плескалось столько всего сразу, что она, кажется, сама тонула в этом взгляде.

И вдруг Леандр понял. Она не боялась лично его. Она боялась самого факта, что он есть. Что он смотрит. Что она не знает, как на это отвечать. Она смотрела на него так, словно он был ожившим мифом — пугающим и притягательным одновременно.

— Ты... — наконец отозвалась она. — Ты кричал во сне. На непонятном языке. Ты что-то видел?

Леандр кивнул. Горло всё ещё саднило, и слова выходили хриплыми.

— Там, в степи... армия. Тысячи коней. И человек впереди. У него шрам через всё лицо, от лба до подбородка. И мёртвый белый глаз.

Стражница вдруг побледнела так, что веснушки проступили резче.

Она сделала короткий, рваный шаг назад, будто Леандр мог дотянуться до неё сквозь решетку.

— Не смей... не смей так шутить, чужеземец.

— Я не шучу. Я видел, как он смотрит на ваш город. Не как на добычу, а как на оскорбление, которое надо стереть. Кто это?

Девушка слотнула, пятясь от клетки.

— Старухи... они рассказывают сказки. Про Бича Богов. Про воина, который не умирает. Его лицо... Нет! Ты пытаешься меня обмануть!

Леандр закрыл глаза, пытаясь унять дрожь.

— Поверь. Это не сказки. Он идёт. Передай своей царице. Скажи про шрам...

— Замолчи! — стражница выставила копье вперед. — Если я доложу... если Алкея узнает, что я слушала твои пророчества...

— Она уже знает, — раздался голос из тени башни.

Голос был подобен удару льда. Алкея вышла на свет факела медленно, чеканя шаг. Её лицо казалось маской, высеченной из серого камня. Она двигалась бесшумно, как охотящаяся рысь. Леандр заметил, как её свободная рука судорожно сжала серебряную застежку на плече — фибула на мгновение блеснула в маслянистом свете факела, отражая пламя.

— Ступай на стену, Тия, — приказала Алкея, не сводя глаз с пленника. — И забудь всё, что слышала. Если я узнаю, что по городу поползут слухи о «лице со шрамом», ты будешь чистить конюшни до конца лета.

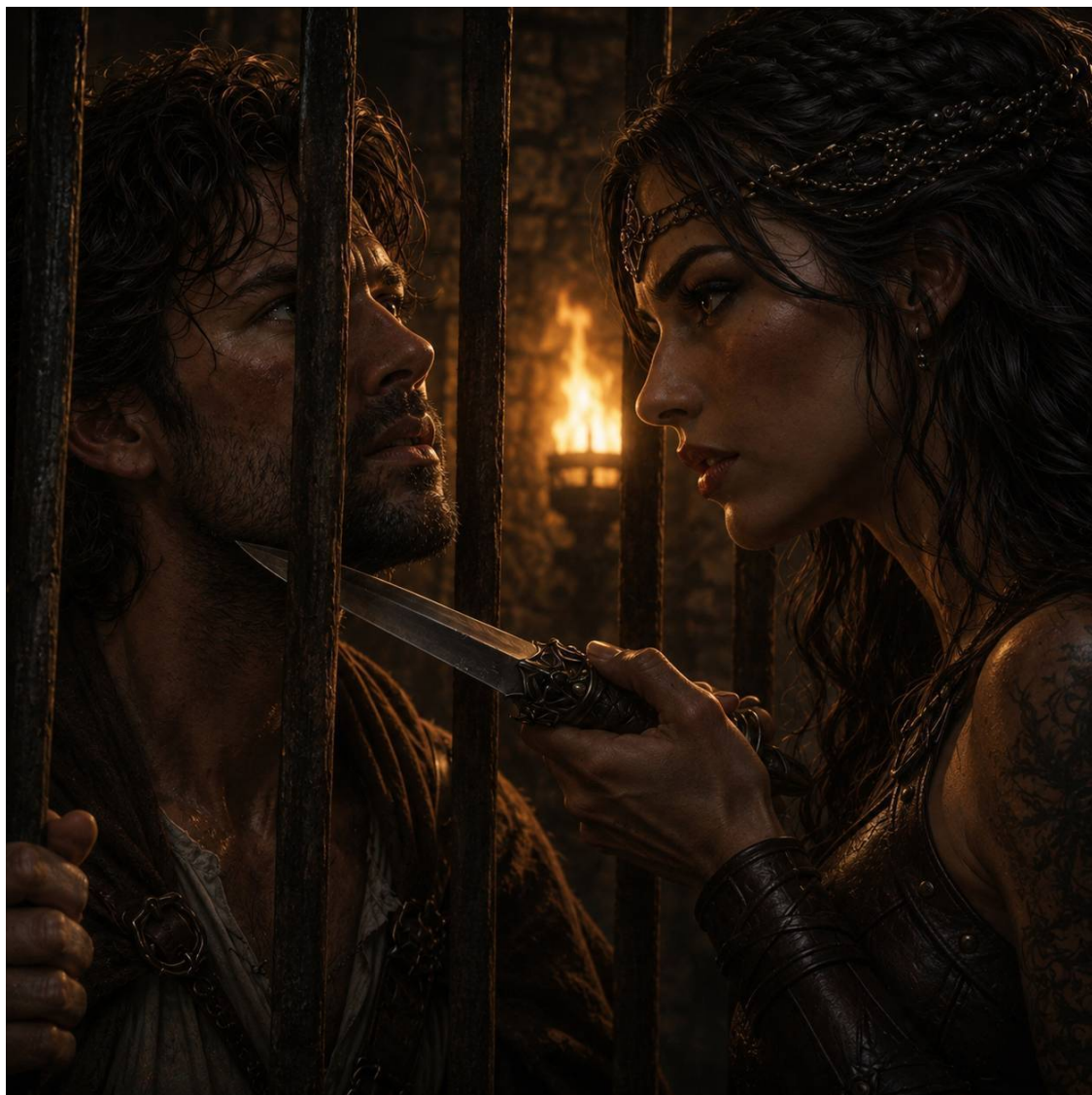
Тия моргнула. Ей потребовалась секунда, чтобы понять, что её отпускают. Она попятилась, споткнулась о древко собственного копья, выровнялась и почти бегом нырнула в темноту.

Когда перепуганная девчонка скрылась, Алкея подошла к самой решетке. Между ней и Леандром остался лишь локоть пространства. Леандр почувствовал исходящий от неё холод ночного ветра и тонкий запах жасмина, смешанный с запахом оружейного масла.

— Ты смел заговорить с ребенком о тенях прошлого, — сказала она. Её голос вибрировал от ярости. — Откуда ты знаешь про вождя со шрамом? Тебе нашептали это греческие торговцы в портах?

— Я не торгую слухами, Алкея, — Леандр посмотрел ей прямо в глаза. Серо-зеленые, как грозовое море перед бурей. — Я видел его во сне. Он смотрел на твой город. В его глазах не было ненависти. Только расчет. Как у мясника, который смотрит на тушу.

Алкея рванула кинжал из ножен и прижала острие к его горлу сквозь прутья клетки. Леандр ощутил кожей острый обжигающий кончик металла, и в горле застрял сухой комок.

— Сны, — выдохнула она. — Ты хочешь, чтобы я поверила в твои сны?

— Нет. Я хочу, чтобы ты проверила. — прошептал Леандр, не шевелясь. — Вышли разведчиков. Если там никого нет — казни меня. Я не буду просить пощады.

Алкея замерла. Её зрачки расширились, поглощая радужку. На мгновение ему показалось, что она сейчас нанесет удар — короткий, милосердный. Челюсти её были плотно сжаты, а на скуле забился едва заметный нерв. Секунда. Две. Но она лишь резко убрала кинжал в ножны.

— Твои сны — это солома, в которой ты спишь. Ничего не стоят, ничего не значат. — Выговорила она, отступая на шаг в тень. — Завтра будет ритуал. Богиня укажет нам путь. И если будет необходимо, эту солому сожгут вместе с тобой.

Она развернулась и ушла, не оборачиваясь. Её плащ взметнулся за спиной, как крыло ночной птицы.

Леандр проводил её взглядом. Только когда темнота сомкнулась за её спиной, он позволил себе выдохнуть. Пальцы, всё ещё вцепившиеся в прутья, медленно разжались. Он закрыл глаза, чувствуя лбом холодное дерево.

— Ты подозрительно притих, — тихо произнес он. — Даже не съязвишь?

Корв на сундуке тяжело вздохнул. Он расправил одно крыло, почистил клювом перья и снова сложился в черный комок.

«Я наблюдал. Пытаюсь понять, зачем ты лезешь в пасть льву, когда можно просто сидеть тихо и жевать солому.»

— Я не лез. Она сама пришла.

«Ах да, конечно. Ты просто тихо звал девочку, будил весь город криками, а потом вежливо беседовал с жрицей, пока она примеряла кинжал к твоей шее.»— Ворон каркнул коротко, презрительно. — *«Потрясающая тактика выживания, гений. Может, нам ещё на стену забраться и сплясать?»*

Леандр молчал. Он коснулся горла там, где секунду назад была сталь. Кожа все еще хранила этот мертвенный холод.

Корв подождал немного. Потом спросил тише, почти без сарказма:

« Оно того стоило?»

Леандр открыл глаза. Посмотрел сквозь решётку туда, где скрылась Алкея.

— Не знаю, Корв. Спроси через несколько дней. Если мы ещё будем живы.

Глава 6: Небесное знамение (и свинья)

Утро встретило Фемискиру тишиной.

Но не той сонной негой, что окутывает мир после долгой ночи. Нет. Это было безмолвие перед первым ударом в гонг — тяжелое, густое, пахнущее пылью и ожиданием. Город замер, затаив дыхание под тяжестью ежегодного ритуала: жертвоприношения Артемиде.

Алкея стояла у алтаря на центральной площади. Камни под её босыми ступнями были вылизаны ветрами и веками до зеркальной гладкости, отдавая накопленный за ночь холод. Ряды деревянных скамей заполнялись сёстрами: белоснежное море хитонов, сотканных из самого тонкого льна. Ни одной фибулы, ни единого проблеска бронзы: только открытая кожа и волосы, рассыпавшиеся по плечам, как тяжелые волны. Отсутствие оружия делало их уязвимыми, и эта нагота перед лицом богини была самой сутью обряда.

Алкея провела ладонью по шероховатой поверхности алтаря. Резные олени и лучницы под её пальцами казались застывшими в прыжке, ожидая лишь капли крови, чтобы ожить. В центре темнело углубление — жертвенная чаша, чьё дно за десятилетия впитало столько жизни, что камень казался почти черным.

Воздух стал вязким. Можжевельник и шалфей вытеснили кисловатый запах города, наполняя легкие дурманящей чистотой. Сизый дым жаровен неохотно полз по камням, путаясь в подолах белых одежд.

Сколько раз она стояла здесь, чувствуя себя копьем, летящим точно в цель. Сегодня впервые привычная твердость под ногами казалась зыбким песком.

К алтарю вели белого козла. Животное шло с кротостью обреченного: сок мака и сонных трав сделал его шаг тяжелым, а взгляд туманным. Лисиппа и младшие сестры держали ритуальные ленты осторожно, словно нити судьбы.

Ференика восседала в кресле, вцепившись в подлокотники из оленьих рогов. На её плечах лежал плащ из волчьих шкур, от которого всё ещё веяло старой кровью и диким лесом. Лицо царицы напоминало чеканку на монете, но глаза лихорадочно следили за каждым вздохом Алкеи.

Алкея подняла руки. Её голос, обычно острый, сейчас наполнился гулким, грудным роком:

— Артемиде, Дева-охотница! Мы, твои дочери, приносим дар нашей веры. Прими наше подношение. Укрепи наши стены. Благослови наши стрелы.

Сёстры выдохнули единым порывом:

— Благослови наши стрелы!

Мир схлопнулся в одну точку. Ветер, казалось, перестал теребить пряди волос, застыв в почтении. Алкея взяла ритуальный нож. Костяная рукоять сразу стала продолжением её руки, жадной до работы. Она наклонилась к козлу, прошептала слова благодарности — быстрые, как шелест листьев.

Подняла нож.

И в это мгновение, когда лезвие должно было раскрыть путь к милости богини, небо вывернулось наизнанку.

Свет.

Яростный, неестественный, цвета раскаленной меди. Звук, как треск рвущегося сухого пергамента. И что-то упало с небес: стрела, обмотанная в пылающую паклю, воющая от скорости.

Она летела не к алтарю. Она чертила огненный шрам по небу, целясь на юг, за глинобитную ограду загонов.

Удар. Стрела вонзилась в столб, выбив облако щепок. Сухая солома вспыхнула с утробным гулом. Дым. Треск. И визг — нечеловеческий, сверлящий уши, превращающий святость момента в базарный хаос.

Свины.

Священные свиньи Артемиды, груды розового жира и самомнения, взорвались паникой. Они ломились в стороны, выламывая жерди с хрустом костей. Одна огромная матка, чья задница превратилась в факел, неслась прямо на площадь, выпихивая копытами грязь.

Благоговение смыло волной животного ужаса.

Сёстры вскочили. Лисиппа попыталась преградить путь визжащей комете, но та, ударив её в бедро, заставила амазонку совершить совсем не грациозный полет в сторону. Козёл, внезапно очнувшийся от сонного дурмана, рванулся в гущу толпы, увлекая за собой младших сестёр, которые теперь вспахивали пятками грязь, словно живые лемехи плуга.

— Держите их! — Ференика вскочила, её плащ съехал набок, разрушая величие. — Тушите огонь!

Алкея стояла, онемев. Нож всё ещё в руке, бесполезный и нелепый. Она смотрела на хаос: белые хитоны покрывались пятнами сажи и навозной жижи, превращая дев-воительниц в перепачканных замарашек. Жирное чёрное облако от горящей щетины и соломы ползло вверх, заплевывая копотью лицо статуи Артемиды.

Знамение. Но такое, за которое хочется выпороть небеса.

— Куда прешь, дура! — орала Маб, выскакивая из дыма с обломком кормушки. — Это жертвенные, а не дичь! Обходи её слева! Слева, говорю, остолопка! Эту, подпаленную, загоняй в поилку, пока от неё храм не занялся!

Одна из сестёр, запутавшись в длинном подоле, рухнула лицом в раскисшую землю. Другая, пытаясь поймать поросенка, зацепилась хитомом за край скамьи. Ткань с предательским треском разошлась до самого пояса, обнажая крепкое бедро и сбивая весь торжественный настрой к чертям.

Пожар на ограде уже тушили: несколько амазонок тащили вёдра с водой, заливая столб и солому. Свинья-факел с разбега рухнула в фонтан. Грязный столб воды окатил Алкею и ближайших сестер с головы до ног и на миг показалось, что сама Артемида решила умыть своих дочерей, не дожидаясь конца молитвы.

На краю площади, у клетки, Корв раздулся, став похожим на черный колючий шар. Он издал карканье — хриплое, утробное, в котором слышалось нескрываемое издевательство.

«Видел?— царапнул голос птицы разум Леандра. — *Я всегда говорил. Боги любят комедию. Особенно кровавые.*»

А сам Леандр сполз по прутьям клетки на землю. Он обхватил голову руками, пытаясь заглушить рвущиеся наружу звуки. Плечи его мелко тряслись.

Это был не страх.

Это был безудержный, до икоты, гомерический хохот.

Глава 7: Осколок камня в сандалии

Алкея увидела его не сразу. Сначала она вместе со всеми втаптывала остатки огня в землю, потом помогала загонять последних перепуганных животных. Но когда площадь наконец выдохнула, погрузившись в тяжелое, гулкое оцепенение, её взгляд упал на клетку.

Леандр сидел, привалившись спиной к прутьям, и буквально складывался пополам. Его плечи мелко дрожали, а из горла вырывались сухие, лающие звуки, словно он боролся с приступом кашля.

Ярость накрыла Алкею. Не праведная и холодная, а злая, перемешанная с личным унижением. Она шагнула к клетке. Сёстры расступались, молча провожая взглядом её фигуру: лицо Алкеи превратилось в маску из застывшей белой глины, на которой лихорадочно горели глаза.

Леандр поднял голову. Смех оборвался, как перерезанная жила. Он вытер глаза, в которых всё ещё стояли слезы этой неуместной, кощунственной радости.

Алкея остановилась перед клеткой. Голос её был таким ледяным, что воздух вокруг, казалось, застыл в колючий иней:

— Тебе весело, осквернитель?

Леандр сглотнул. Он попытался выпрямиться, но теснота клетки вынудила его остаться в нелепой, полусогнутой позе.

— Прости, — выдохнул он, и его голос все еще подводил, срываясь на предательскую хрипотцу. — Это... это был просто очень неудачный выстрел. Со стороны это выглядело... — Он зажмурился, вздохнул. — Вы все были так величественны... настоящие дочери богини... а потом эта свинья... с огненным хвостом...

Он снова прикрыл рот ладонью, сотрясаясь от беззвучного спазма. Корв на его плече распушился, став похожим на комок черной колючей проволоки, и недовольно каркнул:

«Ты сейчас дохочешься до петли. Мне потом у кого миндаль выпрашивать?».

— Ты смеешься над гневом Артемиды? — Голос Алкеи стал вкрадчивым, и эта тишина была опаснее любого крика.

Леандр замолчал. Медленно опустил руку. Его лицо вмиг осунулось, а взгляд стал тяжелым и непривычно острым.

— Нет, — негромко сказал он. — Я смеюсь над тем, как легко самое высокое превращается в самое... живое. — Он сделал паузу, подбирая слова. — Может, богиня просто напоминает тебе, что мир — это не только ваш безупречный строй? В этом хаосе жизни было больше, чем в ваших заученных ритуалах.

Алкея молчала. Слова Леандра жалили, как мелкий гнус. Она хотела ответить резко, хлестко, так, чтобы он сжался под её взглядом, как сжалась сейчас под ногами грязная, растоптанная трава площади. Но не могла.

Потому что в его словах было... зерно. Не истина — нет, конечно нет! Но что-то неуловимо верное. Что-то, что царапало изнутри, как осколок камня в сандалии.

— Ты думаешь, богиня смеётся? — наконец произнесла она, и её голос прозвучал глухо, потеряв свою стальную уверенность. — Над нами? Над нашим благочестием?

Леандр медленно покачал головой. В глазах его больше не было смеха. Только усталость и странная, почти болезненная ясность.

— Я думаю, она напоминает. Что жизнь — это не только алтарь и кровь. — Он кивнул в сторону фонтана, где всё ещё сидела свинья, оглядываясь с видом оскорблённого достоинства. — Даже они — часть её дикой воли. Даже они имеют право на радость. На страх. На глупость.

Алкея до боли сжала пальцы, сминая тонкую ткань хитона.

— Это не глупость, — прошептала она. — Это... нарушение порядка.

— А что есть порядок? — тихо спросил Леандр. — Клетка, которую вы сами построили и называете законом? Или то, что происходит прямо сейчас?

Она хотела возразить. Хотела выкрикнуть, что порядок — это стены города, это законы сестёр, это нож в её руке, это священные ритуалы, переданные из поколения в поколение. Но слова застряли в горле.

Потому что где-то глубоко, в самом тёмном углу души, она знала: порядок — это иллюзия. Тонкая, как паутина, натянутая над бездной хаоса. И сейчас эта паутина не просто трещала — она расползалась гнилыми нитками.

Корв на плече Леандра расправил крылья, издав короткий, хриплый звук — то ли смех, то ли предупреждение.

Алкея сделала шаг назад. Потом ещё один. Её взгляд скользнул по площади: по грязным хитонам, по дымящимся остаткам ограды, по свиньям, которых наконец-то загнали в загон. Всё это выглядело так... нелепо. Так по-человечески.

— Это ничего не значит, — отчеканила она, пытаясь вернуть себе лицо. — Артемида гневается. Твое присутствие осквернило ритуал.

Леандр чуть наклонил голову. Без вызова, почти с любопытством.

— Вчера ты говорила, что я — просто солома. Что меня сожгут вместе с ней, если потребуются. — Он кивнул на чернеющий остов загона. — Но горит почему-то не клетка.

Алкея не ответила, но глаза её метнулись к дыму — всего на миг.

— И тот сон... — продолжил Леандр тише. — Лицо со шрамом. Смерть, у которой нет страха перед вашими стрелами. Ты можешь называть это бредом, пока они не начнут ломать твои ворота. Но ты ведь уже слышишь этот топот, верно?

Она молчала. Пальцы сами нашли край выреза на платье и сжали так, что ноготь больно вдавился в кожу ладони.

— Ты ведь не глупая, — сказал он просто. — Ты умеешь видеть. Если бы богиня хотела — я бы уже был мёртв. Но я здесь.

Алкея резко вскинула голову. В её глазах на мгновение мелькнуло что-то острое — не гнев, а... страх? Сомнение? Но она тут же захлопнула эту дверь, надев привычную броню холодности.

— Не смей... — её голос дрогнул, и она заставила себя начать заново. — Не смей воображать, будто понимаешь её волю.

— Я и не воображаю, — спокойно ответил Леандр. — Я говорю только, что вижу. И чувствую. Как и ты.

Тишина стала невыносимой. Где-то вдали визжала свинья — то ли застряла, то ли не могла найти дорогу в загон.

Алкея отвернулась. Медленно, преодолевая сопротивление собственного тела, которое внезапно стало непомерно тяжелым.

— Завтра... — бросила она через плечо.

— Опять завтра? — мягко, почти сочувственно перебил он. — Ты всего лишь тянешь время, надеясь, что утром всё снова станет понятным. Но мир уже изменился.

Она вздрогнула. Замерла на мгновение так, что Леандр почти поверил: сейчас она обернётся. Но плечи её лишь напряглись сильнее, и она ушла. Быстро, не оглядываясь. Её фигура растворилась в мареве оседавшей пыли, а подол её хитона хлестнул по грязи, замечая её следы.

Глава 8: Незванные гости.

Алкея стояла на северной стене, вглядываясь в горизонт. Над степью вился тонкий чёрный столб. Слишком прямой для тумана, слишком густой для пастушьего костра. Ветер нёс запах палёной шерсти и чего-то сладковатого, от чего во рту становилось сухо.

Там, на северо-востоке, было дальнейшее стойбище. Место, где сёстры растили коней на вольном выпасе. Алкея до боли сжала древко копья. Серебряная фибула на плече вдруг налилась свинцовой тяжестью.

— Сколько? — тихо спросила она.

Гиппа стояла рядом, опершись на лук. Её лицо казалось серым в предрассветных сумерках.

— Всадница вернулась одна. — Голос Гиппы был ровным, но в нём дрожала та же липкая тревога. — Говорит — киммерийцы. Ференика уже в лазарете. Ждёт тебя.

Алкея кивнула и шагнула к лестнице, но замерла. Внизу, в своей клетке, сидел он. Леандр прислонился к прутьям и смотрел точно туда же, куда и она — на северо-восток. Корв на его плече застыл черным изваянием. Тоже смотрел на дым.

Она вдруг поняла: он не догадывался. Он знал. Это был тот самый сон, от которого он кричал ночью. Той самой ночью, когда они напали.

Пророк или проклятие? Она не знала. Но сейчас его неподвижная спина за прутьями казалась единственным ключом к тому, что ждет их впереди.

* * *

Лазарет был небольшим: длинное, низкое здание у западной стены, недалеко от загонов. Пахло здесь травами, кровью и чем-то кислым, что амазонки называли духом раны. Внутри ряды соломенных тюфяков, жаровни с кипящей водой, связки сушёных трав под потолком.

У одного из столов стояла старая Маб. Она ворчала над пучками окопника, перебирая их скрюченными пальцами:

— ...конечно, опять мне всё латать. То свиньи, то девки с дырами в боках. А благодарности, как от козла молока...

Алкея прошла вглубь. В углу, на самом дальнем тюфяке, сидела молодая всадница. Слишком молодая, лет восемнадцать, не больше. Эвадна, одна из младших дозорных. Лицо в копоти, волосы обожжены с одной стороны, на руках свежие, рваные порезы, кое-как перевязанные полосками ткани. Она держала чашу с водой, но не пила, а просто смотрела в неё, словно пыталась разглядеть на дне своих погибших сестер.

Ференика сидела напротив, скрестив руки на груди. Лицо её было невозмутимым, но серые глаза остро смотрели на Эвадну с такой внимательностью, какой Алкея не видела давно. Увидев жрицу, царица кивнула.

— Расскажи ей, Эвадна. То же, что и мне.

Всадница подняла голову. Глаза у неё были красными от дыма.

— Они пришли ночью, — начала она, и голос её был ровным, выученным, как молитва. — Мы не слышали. Кони заволновались, но мы решили, что это волки. Дозорная на холме свистнула три раза — опасность, но не прямая угроза. Мы взяли луки, вышли... — Она сглотнула. — А потом небо стало красным.

Эвадна сглотнула, её костяшки побелели на чаше.

— Их было... немного. Может, сотня всадников. Не больше. Но быстрые. Очень быстрые. Они окружили загоны, подожгли всё разом: солому, навесы, ограды. Дым был такой густой, что мы рубили наугад. Они действовали слаженно. Один свист и они меняли направление, как стая хищных рыб. Без криков.

Алкея слушала, чувствуя, как внутри сжимается что-то острое и холодное.

— Я пыталась прорваться к воротам, — продолжила Эвадна. — Хотела поднять тревогу, разжечь сигнальный костёр. Но меня сбили с коня. Ударили чем-то тяжёлым по плечу. Я упала, ударилась головой. Очнулась в кустах, не знаю, сколько времени прошло. Огонь уже догорал. Я видела... — Голос её дрогнул. — Видела, как они уводят сестёр. Связанными. Как скот. По двое, по трое, привязанных к сёдлам. Брели только молодых. Сильных. Остальных...

Она замолчала. Продолжать не требовалось.

Маб в стороне хмыкнула, не поднимая головы.

— Разведка, — каркнула она. — Пришли, попробовали на зуб. Увели товар на продажу или в наложницы отдадут. А потом вернутся. С остальными. Вот увидите.

Ференика метнула на неё взгляд, но не возразила.

Алкея опустила на колено перед раненой, посмотрела ей в глаза.

— Командир? Ты видела их вождя?

Эвадна кивнула.

— Видела. Он... он стоял в центре, когда они уходили. Высокий. В шкурах, тёмных, почти чёрных. Лицо обожжено ветром и солнцем, как у всех степняков. Но глаза... — Она вздрогнула. — Холодные. Пустые.

— Шрам? — резко спросила Алкея. — На лице был шрам?

Эвадна нахмурилась.

— Нет. Не видела. Может, был, не знаю... Далеко стояла. Но лицо... жёсткое. Страшное. Алкея медленно поднялась. Внутри что-то оборвалось.

Командир разведки. Лишь тень вождя. Но если тень так страшна, каков сам человек со шрамом?

Она посмотрела на Ференику. Та ответила ей тяжелым, прямым взглядом.

— Сколько сестёр погибло? — тихо спросила Алкея.

— Двадцать три, — ответила Царица. — Может, больше. Эвадна не знает точно.

Алкея закрыла глаза.

— Твой пленник видел это во сне, — тихо произнесла Ференика. Голос её был спокойным, но в нём звучала сталь. — Он говорил про киммерийцев. Про вождя со шрамом. Тия доложила мне на рассвете. Ты приказала ей молчать, Алкея, но долг стражницы оказался выше твоего.

Слова царицы ударили под дых. Алкея до боли сжала кулаки.

— Двадцать три, — повторила она тихо, глядя в пол.

Если бы она не была так горда... Если бы пришла к Ференике в ту же ночь, когда он проснулся в холодном поту. Если бы не посчитала его видение «бредом моряка».

Ференика выпрямилась.

— Гиппа! Тарпея! — позвала она.

Дверь открылась. Вошли две амазонки. Гиппа — крепкая, с короткими тёмными волосами и шрамом через бровь. Тарпея — старше, с седыми прядями в косе и лицом, высеченным из камня. Обе остановились, выжидая.

— Я отправляю разведку, — сказала Ференика. — Нужно узнать, сколько их. Куда идут. Есть ли шанс вернуть пленных.

Гиппа шагнула вперёд.

— Я поведу отряд, царица.

Ференика покачала головой.

— Нет. Ты нужна здесь. Если это была разведка, то они вернуться. С остальными. Нужно укрепить стены, расставить дозоры, подготовить ловушки на подходах. — Она посмотрела на Алкею, потом на Тарпею. — Поедут Тарпея, Алкея и еще пара человек. Лёгкий отряд. Быстро, тихо. Разведка, не битва.

Тарпея коротко кивнула. Но в глазах мелькнуло что-то — недоверие? Презрение?

Алкея сжала зубы.

«Тарпея. Старшая. Она не любит меня. Считает, что я слишком мягка. Что я позорю жриц.»

— Выезжаете через час. И... — Ференика сделала паузу. — И возьмёте пленника.

Тарпея резко вскинула голову:

— Мужчину? В степь? Это безумие!

— Это необходимость, — голос Ференики стал стальным. — Он видел киммерийцев во сне. Пусть его дар покажет дорогу. Алкея, прикуешь его цепью к своему седлу. Попытается бежать — убей. Подведёт — убей. Он твоя ответственность. Ты не послушала его предупреждение, теперь используй его как инструмент.

Алкея выдохнула, чувствуя, как мир вокруг окончательно теряет прежние очертания.

— Да, царица.

* * *

Она подошла к клетке через полчаса. Леандр уже стоял, держась за прутья. Он не спрашивал «что случилось?». Он просто смотрел на её лицо, и в его янтарных глазах не было торжества «я же говорил». Только усталость.

— Ты едешь с нами, — отчеканила Алкея. — В степь. Попытаешься сбежать — убью. Навредишь сёстрам — убью. Сделаешь лишнее движение — тоже убью. Понятно?

Леандр медленно кивнул.

— Вполне.

Корв на краю клетки каркнул — коротко, ехидно.

Алкея не обратила на ворона внимания. Она смотрела только на Леандра.

— Готовься, — сказала она. — Выезжаем через час.

Она развернулась и пошла прочь, не оглядываясь.

Леандр смотрел ей вслед. Потом тихо выдохнул.

— Ну что, Корв, — прошептал он. — Похоже, богиня всё-таки дала мне шанс и нас берут на экскурсию.

«В ад», — мрачно отозвался ворон в его сознании. — *На экскурсию в ад. На цепи с очень злой проводницей. Незабываемая прогулка.*

* * *

А где-то высоко, на стене, Ференика смотрела на площадь и тихо качала головой.

— Ну что ж, — пробормотала она себе под нос. — Посмотрим, что из этого выйдет.

Она уже знала, что этот путь изменит Алкею. Или сломает её окончательно.

Глава 9: Проклятие на привязи

Час пролетел, как щелчок спущенной тетивы, коротко и стремительно.

Алкея стояла в тени частокола, вжимаясь лопатками в шершавое дерево. Она наблюдала, как Лисиппа возится с подпругой своего гнедого. Конь, жилистый, с нелепой белой кляксой на лбу, косился на хозяйку, нервно вбивая копыта в утопанную землю. Лисиппа вдруг замерла, прижалась лбом к его влажной морде, и что-то зашептала прямо в бархатную храпу. Быстро, горячо, словно вливала заговор под кожу зверя. Зверь обмяк, выпустил струю пара в утренний холод и замер, только уши подергивались, ловя вибрации её голоса.

Рядом готовились ещё две амазонки. Эрина, молчаливая и сухая, проверяла стрелы. Она проводила каждым оперением по губам, пробуя жесткость пера. От этого едва слышного шороха у Алкеи сводило челюсти. Фила, младшая, то и дело дергала ремни нагрудника. Кожа на её пальцах покраснела, движения стали рваными. Эрина мазнула по ней взглядом, коротким, как удар хлыста, и Фила тут же выронила ремни, заставляя себя дышать ровно.

Тарпея застыла поодаль, навалившись грудью на копьё. Её серый мерин, покрытый сеткой шрамов, напоминал треснувший гранит. Они оба, и всадница, и конь, стояли слишком неподвижно. Так стоят те, кто уже не ждет от дороги ничего, кроме новой пыли. Взгляд Тарпеи колот Алкею в шею, липкий и тяжелый.

«Считает меня мягкой. Слишком молодой». Этот взгляд лег на плечи лишним фунтом бронзы.

Алкея подошла к своему вороному. Конь ткнулся мордой ей в плечо, шумно втянул запах её волос. На мгновение мир сузился до этого тепла. Пальцы, привыкшие к холоду стали, зарылись в жесткую гриву, распутывая колтун у холки. Она прижалась лбом к его шее, чувствуя, как под кожей перекачиваются тугие, готовые к рывку мышцы.

— Потерпи, мальчик, — выдохнула она в складку его уха. — Степь не прощает заминок. Будь моей силой сегодня.

Вороной всхрапнул, коротко боднул её в плечо, ощутимо, по-свойски. Алкея отстранилась. Проверила чехол копья, кинжал, фибулу. Металл охлаждал пальцы, единственное, что сейчас было по-настоящему твёрдым.

— Ведите его.

Клетку открыли. Леандр вышел на свет, шурясь. Окруженный лесом копий, он выглядел вызывающе спокойным, как человек, который уже пережил самое страшное и теперь просто наблюдает за представлением. Корв на его плече вертел головой, буравя коней янтарным глазом.

Алкея приняла цепь из рук Тарпеи. Железо было ледяным и липким. Леандр сам протянул руки, не дожидаясь рывка. Его запястья казались пугающе тонкими, кожа была изъедена солью и покрыта сетью мелких ссадин, но кисти оставались неподвижными.

— Тонкая работа, — он чуть наклонил голову, разглядывая кандалы. — Подкладка из кожи? Вы беспокоитесь о сохранности моих рук? Я тронут. Почти до слез.

— Я беспокоюсь о том, чтобы ты не заляпал кровью дорогу, — Алкея защелкнула манжету. Металл лязгнул, прикусив мелкие волоски на его руке. Леандр даже не моргнул, лишь угол губ дернулся в подобии улыбки. — Пойдешь у моего стремени. Споткнешься, и копыта коня тебя не заметят.

— Ценное указание, — он приподнял руку, пробуя вес цепи. — А если я замечу на пути яму, мне вежливо предупредить или позволить судьбе избавить вас от моего общества самым болезненным образом?

— Если увидишь яму, прыгай в неё, — бросила Тарпея, проезжая мимо. Её мерин махнул хвостом, обдав Леандра запахом прелой шерсти. — Земле всё равно, что глотать.

Алкея одним слитным движением оказалась в седле. Цепь натянулась, заставляя Леандра качнуться вперед. Чтобы не упасть, он инстинктивно уперся ладонью в её бедро.

Пальцы пленника, неприлично горячие, впились в обнаженную мышцу, слишком высоко, слишком близко. Алкея замерла. Воздух застрял в горле колючим комом, кожа к коже, без преград и брони. Его ладонь ощущалась как раскаленное клеймо, нарушающее границы её личного, стерильного мира. Его глаза, янтарные и пустые, заглянули ей прямо за броню, ей показалось, он услышал, как сбился её пульс.

В следующую секунду Алкея дернулась, словно от ожога. Она сбросила его руку резким, рваным движением и до боли в суставах перехватила поводья, силой вгоняя себя в привычное оцепенение.

— Выезжаем! — скомандовала она, обрывая контакт.

Ворота отошли с натужным стоном. Дерево скрежетало по камню, высекая пыль, звук был таким долгим, словно сама Фемискира прощалась с ними.

* * *

Степь встретила их тишиной.

Это не был мягкий покой рассвета, когда мир только потягивается под птичий свист. Нет. Это была тишина выжженного камня. Плотная, густая, будто из воздуха выкачали все звуки, кроме шелеста сухой травы. Ветер гнал серую взвесь вдоль тропы, колючки цвета старой кости

цеплялись за ноги коней. Небо выцвело до белизны, солнце словно выпило из него все краски, оставив звенящую пустоту.

Алкея ехала впереди. Спина прямая, подбородок вздёрнут так, как учила мать: *«В седле ты — статуя. Враг не должен видеть, как ты устала, а сестры, как ты сомневаешься»*. Алкея чувствовала, как этот наказ жжет лопатки, заставляя держать строй, даже когда панцирь начинал давить на плечи.

Леандр шел рядом, чуть позади её стремени. Цепь между его запястьем и седлом то натягивалась, то провисала в такт шагам, мерно, как маятник. Он не спотыкался и не просил помощи, просто шел, глядя на горизонт. На его плече, зацепившись когтями за грязную ткань туники, сидел Корв. Ворон был неподвижен, как вырезанный из гагата, только голова иногда дергалась, выискивая в степном мареве что-то, невидимое людям.

Сзади Лисиппа то и дело похлопывала своего гнедого по шее, конь фыркал и нервно прядал ушами. Эрина и Фила ехали по флангам. Обе молчали. Эрина смотрела вперёд, лицо каменное, глаза узкие, она словно мерила путь внутренним мерилом. Фила то и дело касалась рукой копыта, проверяя, на месте ли верная сталь.

Тарпея замыкала отряд. Она ехала в арьергарде, оглядываясь каждые несколько минут, резко, коротко, как хищник, который чувствует чужую охоту.

Через некоторое время, словно камни, брошенные в глубокий колодец, до Алкеи долетели голоса Эрины и Филы:

— ...а правда, что он сын бога и видит будущее?

— Полубог или проклятый, какая разница, — голос Филы дрогнул. — Тия говорила, он кричал во сне про киммерийцев еще до того, как они пересекли границу.

— Может, совпадение?

— Может. А может, и нет. Тарпея считает, он их сам и призвал, — буркнула Эрина. — Что мужчины — это кара богов за наши грехи.

Алкея не обернулась. Но каждое слово входило в неё, как наконечник стрелы.

«Проклятие. Призвал их».

«А если правда?»

Она сжала поводья. Конь дёрнул головой, почувствовав, как ожесточились руки хозяйки.

Через час пути Леандр вдруг тихо, надтреснуто рассмеялся. Алкея осадил коня так резко, что цепь звякнула.

— Что?

Леандр не поднял головы, лишь качнул плечом, на котором сидел ворон.

— Ничего. Не обращайтесь внимания.

— Что — ничего? — Алкея всмотрелась в его лицо, пытаясь уловить след издевки. — Ты смеялся. Над чем?

Леандр наконец поднял на неё глаза, затянутые усталостью, но живые.

— Это я... развлекаюсь. Общаюсь с птицей.

Алкея нахмурилась, чувствуя, как по коже пробежал холодок.

— Ты разговариваешь с вороном?

— Ну вы же все молчите, — Леандр усмехнулся самым краем губ. — С кем мне еще делить дорогу? С вашей цепью?

Алкея смотрела на него долго, пытаясь понять, безумие это или очередная ловушка.

— Ты издеваешься, — отрезала она. Это не было вопросом.

— Может быть, — легко согласился он.

Сзади кто-то из амазонок, кажется, Лисиппа, коротко прыснул. Алкея полоснула её ледяным взглядом, пресекая всякое веселье.

— Едем дальше, — бросила она, разворачивая коня.

Цепь дернулась, увлекая Леандра за собой. Корв на его плече каркнул, тихо, почти насмешливо, словно подтверждая каждое слово своего странного хозяина.

Глава 10: Цена жалости

К полудню солнце замерло в зените, выжигая тени из степи. Воздух дрожал, и дальние холмы плавились, превращаясь в текучее, зыбкое марево.

Алкея подняла руку. Отряд замер у ручья, тонкой жилы воды, пульсирующей среди плоских камней. Пока амазонки спешивались под хлопки попон и гулкое фыркание коней, она соскочила на землю. Одним рывком отцепила карабин от седла. Не глядя на Леандра, Алкея потянула цепь на себя, увлекая его к скрюченному стволу дикой маслины. Замок клацнул на дереве. Путь дальше был отрезан.

— Пей, — бросила она и ушла к вороному, мгновенно вычеркнув пленника из своего мира.

Леандр шагнул к воде. Цепь резко звякнула и дернула его за руку. Глухое давление кожаной подкладки остановило его на полпути. Он наклонился вперед, вытягивая руку так, что суставы плеча заныли от напряжения. Кончики пальцев едва коснулись поверхности, пуская по воде мелкую, дразнящую рябь, но зачерпнуть не получалось, не хватало каких-то двух дюймов. Он попробовал снова, загребая ладонью воздух в шаге от ледяной струи, пока металл не уперся в кость запястья.

Леандр выдохнул и отступил. Он сел на раскаленный валун, к которому его приковала длина привязи.

«*Коротковат поводок...*» — проскрежетал в голове голос Корва. Птица слетела с плеча, легко опустилась у самой кромки и окунула клюв в струю. Ворон пил долго, смачно щелкая и косясь на хозяина желтым глазом. «*Холодная... чистая... Тебе не достанется*».

Леандр криво усмехнулся и отвел взгляд от ручья. Лисиппа подошла почти бесшумно, пока Алкея была занята снаряжением. Она присела рядом на корточки, загораживая его спиной от взглядов остальных.

— Держи, — тихо сказала она, протягивая открытую флягу. — Впереди ущелье, там воды не будет.

Леандр вцепился в неё обеими руками. Вода была теплой, с привкусом кожи, но он пил жадно, длинными глотками. Кадык на его иссушенной шее ходил вверх-вниз, быстро, до боли в горле.

«*Смотри-ка,* — проворчал Корв, принимаясь чистить перышки, — *маленькая жрица нарушает правила. Интересно, Алкея высечет её сразу или подождет заката? Не привыкай к милости, пададь*».

Леандр оторвался от фляги и вернул её девушке.

— Спасибо.

Лисиппа не ушла. Она посмотрела на его покрасневшее запястье, потом на Алкею. В её глазах мелькнула вина.

— Она не всегда была такой, — голос Лисиппы едва перекрывал журчание ручья. — До того дня в святилище... она смеялась громче всех в Фемискире.

Леандр молчал. Лисиппа рвано выдохнула, её пальцы до белизны впились в ткань туники.

— На нас напали. Алкее было четырнадцать, она прижала налетчика копьём к колонне. Он взмолился о пощаде. Кричал, что дома дети, что он не хотел... Она дрогнула. Всего на миг. Опустила острие.

Лисиппа подняла глаза на Леандра. В них застыла тихая горечь.

— Мужчина выхватил нож. Он бы выпотрошил сестру, но мать бросилась наперерез. Приняла удар на себя. Умирая, она добила его, но Алкея... — Лисиппа запнулась. — Алкея так и осталась стоять в её крови. Она верит, что это её жалость убила мать. С тех пор она не опускает копьё. Ни перед кем.

Леандр посмотрел на Алкею. Та как раз резко выпрямилась. Её лицо было неподвижным, словно высеченным из серого камня.

— Трудно жить, когда ты сама себе палач, — негромко отозвался он.

— Лисиппа! — голос сестры хлестнул, как плеть.

Младшая вздрогнула и резко поднялась. Алкея подошла к дереву быстрыми, хищными шагами. Рванула цепь, проверяя замок. Её пальцы на мгновение коснулись его кожи, они были ледяными, несмотря на зной.

— Я сказала: не разговаривать, — прошипела она. — В седло. Живо.

Лисиппа поспешно скрылась за лошадьми. Алкея отцепила карабин от маслины и одним резким движением вернула его на свое седло.

— Еще раз увижу, что ты пытаешься с ней заговорить, — она наклонилась к самому его лицу, и Леандр почувствовал резкий, душный запах горькой полыни, — и я привяжу тебя за шею, а не за руки. Ты меня понял?

* * *

Степь снова поглотила их, жаркая, пыльная, бесконечная. Через два часа равнина начала дыбиться холмами, поросшими жесткой, как проволока, травой. Воздух сделался неподвижным, словно они приближались к открытому зеву печи. Впереди, в разломе между высотками, показалось ущелье.

Тарпея выехала вперед, прищурившись на узкий проход с крутыми, заросшими кустарником склонами.

— Это кратчайший путь, — бросила она Алкее. — Выйдем к водопою. Если киммерийцы здесь, мы выйдем на их след.

Алкея коротко кивнула:

— Поехали.

В этот момент Корв сорвался с плеча Леандра. Птица взмыла вверх, тяжело и резко ударив крыльями по воздуху. Ворон закружил над отрядом, рассыпая над головами амазонок серию рваных криков.

Леандр замер. Цепь на его запястье натянулась.

«Уходи... уходи отсюда...» — голос Корва в сознании звенел, как надтреснутый колокол. — «Там, в камнях, холод. Птиц нет. Змей нет. Мёртвая тишина».

Ворон сделал последний круг и спикировал обратно, вцепившись когтями в плечо Леандра так сильно, что тот поморщился.

— Подожди, — Леандр поднял голову.

Алкея обернулась. Её взгляд был подобен острию кинжала, холодный, предупреждающий.

— Что еще?

— Корв... — Леандр кивнул на птицу, чьи черные глаза-бусины бешено вращались. — Он чувствует недоброе.

Тарпея фыркнула, её конь нервно переступил копытами, подняв облако пыли.

— Чутьё птицы? — Она посмотрела на Алкею с нескрываемым презрением. — Мы сменим маршрут, потому что его ворон нервничает?

Леандр сжал зубы так, что на скулах заиграли желваки.

— Я не говорю, что знаю, что там. Я говорю, что что-то не так. Он видит то, что скрыто от вас.

Тарпея развернула коня к нему. В её лице не осталось ни капли тепла, только лед и старая, выдержанная ненависть.

— А может, ты специально уводишь нас от цели? — Голос её звенел сталью. — Туда, где твои дружки-киммерийцы чувствуют себя хозяевами? Где нас ждет настоящая смерть?

Леандр выдержал её взгляд.

— Если бы я хотел вашей смерти, — произнес он тихо, чеканя каждое слово, — я бы просто молчал. И смотрел, как вы въезжаете в эту тишину. Покорно. Как хороший пленник.

Тарпея промолчала, но её рука легла на рукоять меча. Алкея смотрела на ущелье. В её глазах металась тень, Леандр видел, как она борется с собой. Он уже был прав однажды. Но довериться ему сейчас означало признать его власть над их жизнями. Признать слабость.

— Алкея, — подала голос Лисиппа, подъезжая ближе. — Может, послушаем? Он ведь видел сон...

— Ты предлагаешь довериться мужчине? — Тарпея полоснула её взглядом. — Падали, которую три дня назад выбросило морем?

Лисиппа сжала губы, но не отступила. Тишина стала осязаемой, тяжелой, как свинец. Алкея выдохнула, её пальцы на поводьях побелели.

— Ты уверен? — спросила она, глядя прямо на Леандра.

— Нет, — он покачал головой.

Алкея вскинула подбородок. Это было движение человека, который затягивает на себе петлю, лишь бы не показаться трусом.

— Мы идем через ущелье, — отрезала она. — Это кратчайший путь. Нельзя терять время.

Тарпея довольно кивнула. Лисиппа лишь разочарованно опустила плечи.

— Но... — Алкея обвела отряд ледяным взглядом. — Луки наготове. Если что-то пойдет не так — отступаем мгновенно. Это приказ.

Леандр лишь прикрыл глаза.

«Дура...» — проскрежетал Корв. — «Гордая, слепая дура».

Они двинулись к зеву ущелья. И чем ближе были стены, тем отчетливее Леандр чувствовал это. Мертвая тишина. Ни ветра, ни шороха ящериц в траве. Только ритмичный, погребальный лязг его цепи.

Глава 11: Марево в тени

Стены ущелья смыкались, оставляя над головой лишь тонкую полоску выцветшего неба. Тень скал дышала сырым холодом склепа. Гранитные глыбы, поросшие серой коростой лишайника, походили на спины затаивших дыхание чудовищ.

Алкея вела отряд, держа копьё поперек седла. Под бронзовым панцирем, вопреки промозглому воздуху, по позвоночнику ползла едкая капля пота. В этом каменном коридоре звуки таяли, не успев родиться. Лишь мерный, раздражающий лязг цепи Леандра о стремя разрезал вакуум.

Опасность где-то рядом.

Чутье воина отозвалось привычным уколом. На узком повороте тропы жрица натянула поводья, замедляя ход. Тарпея вырвалась вперед, её спина в кожаном панцире замерла прямой линией.

— Пусто, — бросила старшая всадница. Голос ударился о гранит и вернулся изломанным, чужим. — Твой ворон ошибся, травник. Здесь только камни.

Корв прирос к плечу Леандра черным углем. Только зрачки-бусины ловили острые грани серых скал. Алкея направила вороного следом, пристроившись в шаг от чужого стремени.

На середине пути горло обволокло странной сладостью. В ноздри вполз густой аромат — смесь спелого инжира и дикого меда. Что-то знакомое, из самого детства... Мамины ладони после того, как она растирала травы для припарок, единственное лекарство, которое признавали в их доме.

Жрица тряхнула головой, отгоняя наваждение, но марево перед глазами уже задрожало. Тарпея резко осадил мерина. Конь вбился копытами в гальку, подняв облако серой пыли.

— Вы слышите? — шепот воительницы прорезал тишину. Рука с копьём ходила ходуном. — Глухое, утробное рычание. И этот частый шорох лап по камням... Волки? Огромная стая лезет прямо из трещин.

Алкея прислушалась. В вязком воздухе родился совсем иной звук: сухой шелест льна о гранит. Так звучат подошвы хитонов, когда амазонки идут сомкнутым строем. Острые выступы скал поплыли, превращаясь в текучее серое месиво. Из самого камня начали выходить фигуры. Дюжина женщин. Белые одежды, когда-то слепящие чистотой, почернели от багрянца. Кровь стекала по их ногам, оставляя на пыльной гальке дымящиеся следы. Одна прижимала ладонь к животу, другая шла, неестественно вывернув плечо.

Под копытами поплыл белесый туман, источающий всё ту же душную сладость.

— Сестры... — выдохнула Эрина. Пальцы разжались, лук с глухим стуком упал в пыль.

Вороной под Алкеей встал на дыбы, его глаза побелели от первобытного ужаса. Среди окровавленных теней одна фигура сделала шаг вперед. Темные волосы, стянутые в узел, серебряная застежка на плече — близнец той, что сейчас впивалась в кожу жрицы. Лицо, годами скрытое в черных провалах снов, проступило четко, до каждой морщинки.

— Мама? — голос сорвался на детский хрип.

Весь мир, копьё, обеты, Фемискира, осыпался сухим прахом. Мать протянула к ней руки. Алкея подалась всем телом вперед, теряя стремяна, готовая соскользнуть из седла в это ледяное, пахнущее домом и смертью объятие.

Резкий рывок едва не выбил Алкею из седла. Чьи-то горячие пальцы впились в предплечье, сдавливая мышцы до боли. Мир перед глазами шел рябью, лицо Леандра казалось зыбким отражением в мутной воде, и только янтарные глаза пленника горели пугающей, трезвой ясностью. Над его головой, задевая Алкею крылом, в панике метался Корв, оглашая ущелье резким, злым карканьем.

— Не смотри! — Голос Леандра прорезал туман. — Алкея, не верь глазам! Дыши, проклятая, дыши!

Он резко вскинул кулак к её лицу. В ноздри ударил неистовый, едкий запах растертой полыни и жженой хвои, такой ледяной и ядовитый, что в голове вспыхнула короткая искра боли. Горло обожгло холодом, вытравливая из легких приторную сладость инжира.

Зрение стабилизировалось. Марево качнулось и встало на место, обретая четкие грани. Алкея выдохнула, жадно хватая ртом воздух. Скалы были пусты. Никаких окровавленных тел, никакой матери. Только белесая дымка, лениво вытекающая из расщелин.

— Оглянись! — Леандр дернул её за плечо.

Жрица обернулась, и холод продрал её по спине. Гиппа уже спрыгнула на землю. Она яростно рубила воздух мечом, выкрикивая проклятия пустоте; её удары были тяжелыми и рваными, словно она пыталась прорубить путь сквозь стаю невидимых зверей. Лисиппа осела на гальку, обхватив голову руками. Сестра раскачивалась всем телом, захлебываясь беззвучными рыданиями над пустой землей, будто оплакивала павшего воина. Эрина и Фила застыли спина к спине, их немигающие взгляды были устремлены в никуда, они превратились в живые статуи, запертые в собственных кошмарах.

— Что это... — Алкея попыталась выпрямиться, рука всё еще мелко дрожала.

— Киммерийское варево, — Леандр быстро вытащил из мешочка пучок темных, смолистых трав. — Так они ослепляют разум перед тем, как перерезать глотку.

Он вложил ей в ладонь половину трав.

— Разотри и дай им вдохнуть. Живо! Иначе они перебыют друг друга раньше, чем ступеньки спустят тетиву.

Ущелье содрогнулось. Из тумана впереди и позади донеслась низкая, давящая дробь барабанов.

Бум. Бум. Бум.

Словно само сердце земли забилося в лихорадке. Дымка в обоих концах прохода сгустилась, превращаясь в непроницаемую стену.

Алкея соскочила с коня, едва не подвернув ногу в тяжелых поножах. Секунда замешательства. Она посмотрела на стальную цепь, соединяющую её седло с запястьем Леандра.

Клац.

Карабин упал в пыль с тяжелым звоном.

— Помоги мне, — бросила она, не оборачиваясь.

Алкея рванулась к Лисиппе. Схватила сестру за подбородок, силой заставляя вдохнуть резкую, спасительную горечь полыни. Та вздрогнула, взгляд сфокусировался, наполняясь ужасом осознания.

— Бери это! — Жрица сунула ей часть трав. — Эрина и Филя. Помоги пленнику привести их в чувство!

Сама она бросилась к Тарпее. Старшая всадница всё еще целилась копьем в тень скал, дыхание её было свистящим, на губах выступила желтоватая пена. Алкея вжала едкую кашицу в губы Тарпеи. Старшая рванулась, едва не сбив её плечом, но вдруг замерла. Муть в её глазах лопнула, уступая место колючей трезвости. Алкея видела, как Тарпея мазнула взглядом по её испачканным ладоням, а затем по Леандру, который уже тряс за плечи Эрину. На скулах воительницы заходили желваки, но новый раскат барабанов заставил обеих вскинуть головы.

Гул оборвался. Из серой взвеси бесшумно выплыли тени. Кони. Частокол длинных пик. Киммерийцы шли плотным строем, сжимая кольцо. В ущелье воцарилось мертвое безмолвие.

Глава 12: Тень на ска

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.